

Yantsen V. N. On the interdisciplinary links in teaching the basics of natural sciences. – Soviet pedagogy. – 1968. – No. 3. – P. 37–44.

Zverev I. D., Maksimov V. N. Interdisciplinary links in the modern school. – Moscow, 1981. – 160 p.

Принята редакцией: 23.07.2015

DOI: 10.15372/PHE20150506

УДК 165.7

Л. ВИТГЕНШТЕЙН О ПОНЯТИЯХ «КРИТЕРИЙ» И «СИМПТОМ»

А. Лорети (Москва)

В статье анализируются понятия «критерий» и «симптом» в творчестве Л. Витгенштейна. Рассматриваются теории критерия и симптома, изложенные в «Голубой книге», «Философских замечаниях» и «Философских исследованиях». Автор обращает внимание на то, что в «Философских замечаниях» на концепцию о «симптоме» и «критерии» оказал влияние верификационизм. Автор также отмечает, что поздний Витгенштейн убежден в том, что различие между критерием и симптомом является нечетким, неточным. Автор анализирует трактовку понятия тождества Витгенштейна как в среднем, так и в позднем периоде. Приходит к выводу, что на протяжении философской деятельности Л. Витгенштейна от «Философских замечаний» до «Философских исследований» наблюдается постепенное приближение понятия «симптом» к понятию «критерий» на фоне решительного отказа от классического эпистемологического подхода, отличающего и изолирующего субъект от объекта познания.

Ключевые слова: Витгенштейн, критерий, симптом, верификационизм, «Философские исследования».

WITTGENSTEIN ON THE NOTIONS OF «CRITERION» AND «SYMPTOM»

A. Loreti (Moscow)

This paper analyzes the concepts of «criterion» and «symptom» in the works of Ludwig Wittgenstein. The author discusses the theories of symptom and criterion set out in the «Blue Book», «Philosophical remarks» and «Philosophical Investigations». The author draws attention to the fact that in «Philosophical Remarks»

© Лорети А., 2015

Анджело Лорети – аспирант кафедры философии языка и коммуникации философского факультета, Московский государственный университет.

E-mail: loreti_a@yahoo.it

Angelo Loreti – postgraduate student of the Chair of Philosophy of Language and Communication of the Department of Philosophy, Moscow State University.

Wittgenstein's concepts of «symptom» and «criterion» were influenced by verificationism. The author also notes that the late Wittgenstein was convinced that the difference between criterion and symptom is vague, imprecise. The author analyzes the interpretation of the concept of identity both in the middle period of Wittgenstein's career and in the later period. The author concludes that during the period of Wittgenstein's philosophical activity we can observe a gradual convergence of the concept of «symptom» to the concept of «criterion» in the background of resolute rejection of the classical epistemological approach that distinguishes and isolates the subject from the object of cognition.

Keywords: Wittgenstein, criterion, symptom, verificationism, «Philosophical Investigations».

В знаменитом аргументе против индивидуального языка в «Философских исследованиях» Витгенштейн представляет себе, что некий человек хочет создать язык, который может быть понят только им самим, и с этой целью стремится сосредоточиться на каком-то ощущении и называет его, полагая, что тем самым он установил слово своего индивидуального языка, однако ему необходима «Richtigkeit» («correctness»). Он бы не пытался запечатлеть в памяти ощущение, не будь надобности, правильно узнать его в будущем. Но, по мнению Витгенштейна, в данном случае у него «нет никакого критерия правильности» («Aber in unserem Falle habe ich ja kein Kriterium für die Richtigkeit») [1, с. 55]. «Критерий» – одно из самых обсуждаемых слов в лексиконе Витгенштейна. Каково же значение слова «критерий» в «Философских исследованиях» и вообще в творчестве Витгенштейна? Целью данной статьи является изучение понятий «критерий» и «симптом».

Начнем анализ с «Голубой книги» Витгенштейна (1933 г.), где содержится четкое и интуитивное определение симптома и критерия. Как пишет Витгенштейн, ангина, как почти любая болезнь, имеет характерные симптомы: покраснение в горле, определенное течение и интенсивность жара и т. д. Это лишь симптомы, а что означает «болеть ангиной»? Каков критерий этой болезни? В то время и сейчас в официальной медицине термин «ангина» означает наличие стрептококков в верхних дыхательных путях, сами же стрептококки обнаруживаются в соответствии с определенными параметрами, легко распознаваемыми под микроскопом. В случае, если у кого-то обнаружили симптомы, но, к примеру, результат пробы, взятой с помощью тампона, оказался отрицательным (что означает отсутствие стрептококка), мы не можем сказать, что этот человек болен ангиной. Мы отличаем критерии от симптомов. Присутствие стрептококков является критерием ангины. Если есть стрептококки при отсутствии симптомов, то врачи говорят о бессимптомной ангине и лечат ее. Симптом – лишь признак, который сам по себе не является непогрешимым, критерий же непогрешим, потому что не имеет

отношения к причинности, то есть к регулярности событий, которая может быть прервана. Он связан с логикой, является определением самого термина «ангина», который был установлен тем, кто имеет право его употреблять. Очевидно, что вы не можете болеть ангиной без стрептококков в дыхательных путях, ибо именно таким образом было определено данное выражение [2, с. 366].

В действительности все не так просто, потому что самый пример болезни ставит нас перед занятым человеческим подходом, который мы можем описать словами: «знаю ЧТО, но не знаю КАК». Часто люди твердо убеждены в том, что есть нечто, не зная содержания этого самого нечто. Болезни являются типичным тому примером. Термин «ангина» использовали еще до Пастера и открытия бактерий. Тогда с ангиной имели дело, основываясь на том, что сейчас рассматривается только как подверженные погрешностям симптомы. Но раньше они признавались критериями. Что значило «болеть ангиной» до открытий Луи Пастера? Это означало иметь покраснение горла и определенную температуру. После Пастера определение изменилось: то, что раньше называлось критериями, теперь «понижено» в ранг симптомов.

В 1930-х гг., кроме «Голубой книги», Витгенштейн написал «*Philosophische Bemerkungen*» («Философские замечания»). В этой книге ключевую роль играет верификационизм, согласно которому смыслом предложения является метод его верификации [3, с. 24, 45, 61, 78]. Такой принцип приводит к радикальным последствиям. По общему мнению людей, симптомом прошлого является то, что остается от прошлого – следы и ископаемые останки, с позиции же верификационизма, они – не симптомы, а критерии прошлого, соответственно, наличие ископаемых останков – не признак, не примета прошлого существования, например, динозавров, а критерий. Таким образом, то, что нам рассказывает натуралист об огромных существах, состоящих из костей (останки которых сохранились до наших дней) и плоти, несколько миллионов лет назад живущих на Земле – это, согласно радикальному мнению Витгенштейна того периода, лишь сжатый, замысловатый и причудливый образ описания тех самых критериев динозавров. Такое умаляющее достоинство отношение к профессии палеонтолога, который всего лишь предоставляет сводное описание множества разнородных данных, вряд ли бы устроило самого палеонтолога. Палеонтолог твердо верит в то, что ископаемые останки динозавров являются прямыми признаками того, что они существовали точно так же, как современные носороги и слоны. Опираясь на различие между симптомом и критерием, можно ввести новый термин (он не входит в терминологию Витгенштейна) – «идентичный критерий»: когда мы задаемся вопросом, что является критерием определенной вещи, мы только и можем, что повторять название этой

вещи. Если все данные палеонтологов – симптомы существования динозавров, каким будет критерий динозавров? Сами динозавры! В случае с ангиной происходит переход к чему-то еще, наблюдается инаковость, расширение языка. Мы не говорили, что «ангина» означает «ангина», а «ангина» означает «наличие стрептококков в верхних дыхательных путях». Термин «ангина» становится строгим описанием в техническом и научном смыслах, в случае с динозаврами такого расширения языка не происходит. Если не признать ископаемые останки *критериями* динозавров, то на вопрос «какой будет критерий динозавров?», мы можем ответить: «критерием динозавров являются сами динозавры».

Чтобы проблема различия между симптомом и критерием стала более понятна, рассмотрим случай тождества. Допустим, что я сидел вчера на определенном стуле. Затем я вышел из комнаты, ее прибирали, я вернулся, все стулья на месте, я беру один из стульев и задумываюсь: «тот ли это стул, на котором я сидел?» Если к подобному вопросу присоединить суеверие, то станет интереснее. Например, пока я сидел на этом стуле, я узнал очень плохую новость, и поэтому больше не хочу на него садиться [1, с. 173].

У человека, равнодушного к философским вопросам, который в повседневной жизни суеверно спрашивает себя: «тот ли это стул?», стоит спросить: каковы, по его мнению, критерии тождества стула, а также: в каких случаях уместно заключить, что два стула являются одним и тем же стулом? Здесь перед нами встает проблема интерпретации: верификационист Витгенштейн или уже нет? Скорее всего, в «Философских исследованиях» Витгенштейн преодолел верификационизм. Но предположим, какой подход будет использовать Витгенштейн-верификационист для решения этого вопроса. Итак, согласно верификационизму, под критерием понимается эмпирический метод разрешения загадки тождества стула. Допустим, данный человек очень суеверен и настроен решить проблему любой ценой. Для этого он обращается к ведущему криминалисту Скотланд-Ярда. Может ли он решить этот вопрос? Предположим, что криминалист проведет анализ штанов, в которых этот суеверный человек сидел на стул, после чего он тщательно исследует все стулья в комнате на предмет наличия конкретного типа волокон и найдет стул, который будет иметь наибольшее число оставшихся от штанов волокон, и затем с определенной долей уверенности заключит, что именно на *этом* стуле сидел человек. Будут результаты этого расследования критерием или симптомом того, что стул является тем же стулом, на котором сидел суеверный человек? Хочется сказать, что найденные волокна – всего лишь признак, след от его сидения, а не критерий. Но каковы будут критерии? Каким будет определение того, что «он сидел на этом стуле» или «это тот стул, на котором он сидел вчера?» Какое будет определение

у этого тождества? Криминологические улики – критерии? Составляют ли они часть определения? И если они являются всего лишь симптомами (как и другие подобные приметы, например отпечатки пальцев и т. д.), то что же тогда будет служить критерием?

В этом примере почти очевиден факт, что здесь не может быть другого критерия, кроме так называемого «идентичного критерия», то есть его нет совсем. Мы только и можем, что сказать: «то, что они – одно и то же, значит, что они являются одним и тем же». «Одно и то же» не означает «здесь были найдены мои отпечатки пальцев», ведь если бы их стерла уборщица, то стул остался бы тем же, но дело не в этом. Очевидно, что «одно и то же» и «здесь были найдены мои отпечатки пальцев» – разные по значению предложения. Когда мы говорим: «они – это одно и то же, значит, что они – это одно и то же», мы констатируем, что у нас нет возможности расширить это понятие или свести его к простейшим. Верификационист Витгенштейн предупреждает нас: тогда, когда нам кажется, что нет больше критериев, кроме так называемого «идентичного критерия», это значит, что мы имеем дело с псевдопонятием, что у нас нет четкого представления о том, о чем мы говорим.

В итоге получается, что на начальном этапе тождество представляет собою элементарное понятие, неразлагаемое на другие, однако, следуя рассуждениям верификациониста Витгенштейна, можно доказать, что данная элементарность – всего лишь концептуальная пустота.

Поздний Витгенштейн убежден, что вышеупомянутое предполагаемое различие между критерием и симптомом является нечетким, неточным [1, с. 177]. По поводу тождества автор «Философских исследований» не ссылался бы на различие между критериями и симптомами, по которому высказывание «это тот же стул» означает «это тот же стул», что, как мы видели, указывает на отсутствие у нас четкого понимания ситуации [1, с. 166]. Он тоже попытался бы указать на некорректность данного понятия, но, не исходя из совершенной невозможности осуществления проверки, а с помощью диалога в сократическом стиле [1, с. 216]. Витгенштейн-верификационист настаивал бы на бессмысленности и абсолютной невозможности эмпирической проверки. Мы сталкиваемся с такой непреодолимой невозможностью, ведь какие бы следы мы ни нашли на своем стуле, это не будет служить критерием, потому что данные следы не являются самой вещью. Тот Витгенштейн, который преодолел верификационизм, пытается заставить оппонента понять, что предполагаемая разница между симптомом и критерием не так велика и не так отчетлива, соответственно наш разговор не имеет гарантий, которые могли бы застраховать его от всех рисков неточности и недопонимания [2, с. 196]. Когда мы сами себе задаем вопрос: является ли этот стул тем же самым, нам было бы лучше выкинуть из головы всякое по-

нятие о пропозициональности, согласно которому мы являемся субъектами, обладающими интеллектом, сформировавшими возможную картину состояний фактов в мире, бьющимися над вопросом: соответствует ли действительности представленная ими картина. Если нам не удастся решить вопрос, является этот стул тем же самым или нет, значит, наша техника потерпит неудачу, которая не оставит в человеке ощущения «эпистемологического голода». В конечном счете, можно предположить, что в «Философских исследованиях» Витгенштейн настроен вылечить нашу «эпистемологическую булимию». Вместо того чтобы во весь голос кричать: «Я не знаю и, возможно, никогда и не узнаю, тот ли это стул или нет», лучше это сказать вполголоса, и тогда сам факт того, что мы говорим вполголоса, то есть без эпистемических претензий, становится действующим ходом нашей жизни. Мы применили технику и потерпели неудачу, это не страшно, значит, эта техника просто не сработала. Человек всегда находится среди множества различных необоснованных техник [1, с. 162]. Среди них есть техника, с помощью которой можно решить вопрос, тот же ли это стул, на котором я вчера сидел, или нет. Но такая техника вполне могла бы и отсутствовать. На самом деле наш мир сложился так, что в нем существуют стулья, и в нем можно задаваться пропозициональным вопросом и применять классическую логику двузначности (или/или), согласно которой любое высказывание является или истиной, или ложью. Тем не менее мы свободно можем представить себе племя людей, которому не хватает понятия тождества. Так, они не поймут вопроса о том, является ли это каноэ тем же самым, на котором мы плавали вчера. По мнению позднего Витгенштейна, совершенно неправильным будет заключить, что они находятся на более низком этапе развития, чем люди, принадлежащие нашей культуре [4, с. 18, 26–27]. Проблема здесь не в ценностях, следовательно, не в том, что они просто не придают тождеству никакого значения, не ценят его, но в том, что они не имеют о нем ни малейшего представления.

Итак, можно заключить, что на протяжении философской деятельности Л. Витгенштейна от «Философских замечаний» до «Философских исследований» наблюдается постепенное приближение понятия «симптом» к понятию «критерий» на фоне решительного отказа от классического эпистемологического подхода, отличающего и изолирующего субъект от объекта познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Витгенштейн Л.** Философские исследования // Философские работы / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асева. – М., 1994. – Ч. I. – 612 с.
2. **Витгенштейн Л.** «Голубая книга» и «Коричневая книга» (сокр. перевод) // Современная аналитическая философия. – М., 1991. – Вып. 3. – С. 179–190.

3. **Витгенштейн Л.** Философские замечания. – Оксфорд, 1964.
4. **Витгенштейн Л.** Заметки о «золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник. – М., 1989. – С. 251–268.

REFERENCES

1. **Wittgenstein L.** Philosophical investigations. – Philosophical works. – Transl. by German M. S. Kozlova, Yu. A. Aseev. – Moscow, 1994. – P. I. – 612 p.
2. **Wittgenstein L.** «Blue book» and «Brown book» (abbr. translation). – Modern analytic philosophy. – Moscow, 1991. – Iss. 3. – P. 179–190.
3. **Wittgenstein L.** Philosophical remarks. – Oxword, 1964.
4. **Wittgenstein L.** Notes on «The Golden Bough» by J. Fraser. – Historical and philosophy Yearbook. – Moscow, 1989. – P. 251–268.

BIBLIOGRAPHY

- Block N.** Inverted Earth in Philosophical Perspectives. – Action Theory and Philosophy of Mind. – 1990. – Vol. 4. – P. 53–79.
- Brandom R.** Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. – Harvard, 1994.
- Davidson D.** On Idea of Conceptual Scheme. – Analytic Philosophy: Selected Texts. – Ed. A. F. Grynayev. – Moscow, 1993. – P. 144–149.
- Dennett D. C.** Quining Qualia in A. Marcel and E. Bisiach, eds, Consciousness in Modern Science, Oxford University Press 1988. Reprinted in W. Lycan, ed., Mind and Cognition: A Reader, MIT Press, 1990, A. Goldman, ed. Readings in Philosophy and Cognitive Science, MIT Press, 1993.
- Farrell F. B.** Subjectivity, Realism and Postmodernism: The Recovery of the World in Recent Philosophy. – Cambridge, 1994.
- Gadamer H. G.** Truth and Method. – Moscow, 1998.
- Gouinlock J.** What is the Legacy of Instrumentalism? Rorty's Interpretation of Dewey. – Rorty and Pragmatism. – Vanderbilt, 1995.
- Haack Susan.** Evidence and Enquiry: Towards Reconstruction in Epistemology. – Oxford and Cambridge, Blackwell, 1993.
- Hintikka J.** On Wittgenstein. – Moscow, 2013.
- Kenny A.** Wittgenstein (First Edition: «Wittgenstein», Allen Lane The Penguin Press, Ltd., Harmondsworth, Middlesex, 1973). – Madrid, 1982.
- Maroni D.** Transizione. – Guida a Wittgenstein. – Bari-Roma, 2002. – P. 59–103.
- Maughan S.** The Summing Up. – Moscow, 2007.
- Moore G. E.** Wittgenstein's Lecture 1930–1933. – Robert R. Ammerman, Classics of Analytic Philosophy. – Indianapolis, 1989. – P. 233–284.
- Rosenberg J. F.** Philosophy's Self-Image. – Analyse & Kririk. – 1982. – Vol. 4. – P. 114–128.
- Rosso M.** Introduzione a «Osservazioni Filosofiche». – Wittgenstein L. Osservazioni Filosofiche. – Torino, 1999. – P. VII–CLXI.
- Sartre J.-P.** Being and Nothing. – Moscow, 2000.
- Smeyers P., Marshall J. D.** The Wittgensteinian frame of reference and philosophy of education at the end of the twentieth century – An introduction to philosophy and education: Accepting Wittgenstein's challenge. – Studies in Philosophy and Education. – 1995. – No. 14 (2–3). – P. 127–159.
- Saprygin B. V., Verkutis M. Yu.** On an approach to education in the light of the tacit knowledge conception (on the example of foreign language teaching). – Philosophy of Education. – 2015. – No. 1(58). – P. 126–136.

Принята редакцией: 24.08.2015